

МОЯ
ИНТЕРСЕКС-ИСТОРИЯ
СБОРНИК .КВИРФЕСТ 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Люди прекрасны в своем разнообразии. Вы, что держите в руках этот сборник. Я, что пишу вводное слово к нему. Авторы историй, заполнившие своими голосами страницы издания.

Под обложкой сборника мы собрали три истории интерсекс-людей. Не знаю, понимаете ли вы, читатели, что значит “интерсекс”, ведь это одно из первых печатных изданий по теме в русскоязычном пространстве. Если переводить с медицинского и активистского на русский, то “интерсекс” - понятие, описывающее людей, тела которых из-за особенностей в генетическом и/или анатомическом развитии не вписываются в обыденные представления о бинарных половых различиях (“женское”-“мужское”).

Почему мы так мало знаем про интерсекс? Из-за бытовых суждений общества о существовании “нормы”, которой должны соответствовать все человеческие тела, опыт жизни интерсекс-людей веками был погружен в молчание.

Семейная тайна, личная трагедия - такое восприятие интерсекс-идентичности заставляло стыдиться и страдать одних, а других - пребывать в иллюзии о простоте и бинарности тел и созданного природой мира. Но все сложно. Люди, их идентичности, их опыт - многообразны.

Каждый рассказ сборника “Моя интерсекс-история” - это быль. Судьба. Путь интерсекс-человека, пройденный к осознанию и принятию своей телесности, к освобождению от страха, стыда и боли. Публикация сборника - честь и ответственность для команды фестиваля. Это наш вклад в просвещение людей, в борьбу со стигматизацией, стереотипами и замалчиванием проблем разных сообществ.

Издание продолжает серию публикаций КВИРФЕСТа в формате личных высказываний и раскрывает тему фестиваля 2017 года - “По линии жизни”. Следуйте за нами...

КОМАНДА КВИРФЕСТА

ТЫ СТАНОВИШЬСЯ ИНТЕРСЕКС.... ДЕТСТВО

АЛЕКСАНДР БЕРЁЗКИН

Меня интересовал вопрос: когда ты становишься интерсекс?

Когда появляешься на свет, когда впервые осознаёшь своё непонятное отличие от других, когда тебя диагностируют и присваивают код МКБ или когда ты узнаёшь, что есть такая интерсекс-идентичность и ты в неё вписываешься? А есть и другой важный вопрос, который волнует интерсекс-людей: можно ли считать тебя настоящим интерсексом, если у тебя никогда не было операции на гонадах или гениталиях?

Есть и другие вопросы: почему некоторые интерсекс-люди так не любят ЛГБТ-сообщество, почему они не признают квирность других идентичностей, пытаюсь всеми силами отделиться, почему они не уважают травматический опыт и шок других людей?

Мой ответ пришёл из моей личной истории. И этот ответ — страх и боль. Этот ответ может быть разным для разных интерсекс-людей, ведь мы так не схожи в нашей многогранной вариативности человеческой природы.

Можно ли нас обвинять в этом? Может, стоит понять, что за всем этим скрывается тысячелетнее молчание о том, что ты — гермафродит, создание из сказок и легенд? Нам приходится уживаться со стигмой представлений о том, каким должно быть сокровенное человеческое тело, уживаться с ожиданиями наших родителей, близких и родных людей, партнёров и партнёрш.

Мы годами живём с этим клеймом инаковости на нашем теле. Мы так привыкаем к этому, что, когда обнаруживаем, что это не стыд и не страх, это вскрывает много затаённой боли, как будто скальпель разрезает гнойник. И прежде чем открыться миру с любовью, поддержкой и солидарностью в сердцах, нам нужно крикнуть: вот я! Посмотрите, что вы сделали со мной! Это вы, вы виноваты! Да вам никогда не понять меня, нет, нет! Ваш опыт травмы никогда не сравнится с моим! Мы такие одни во всём мире! Мы одиноки!

“ И мы плачем в тишине, замыкаясь за улыбками и за статьями в газетах и журналах. Требуется много времени, тепла, сострадания и сопереживания, понимания и принятия, чтобы мы открылись вам... ”

И нам нужно ваше внимание и ваша любовь, даже если мы ненавидим вас. Вы сделали нас сиротами в нашем собственном теле. Мы хотим быть настоящими мужчинами, настоящими женщинами! Мы интерсекс, мы гордимся нашим страданием, нашими слезами, нашей болью...

И мы плачем в тишине, замыкаясь за улыбками и за статьями в газетах и журналах. Требуется много времени, тепла, сострадания и сопереживания, понимания и принятия, чтобы мы открылись вам, чтобы мы смогли любить и быть счастливыми, прекрасными людьми в своей неповторимости и сопричастности вам, наши друзья.

Эти слова пришли из моей личной истории, из моего прекрасного и далёкого детства, которое, несмотря на все трудности, остаётся одним из ярких моментов моей жизни.

Началась моя история в одно февральское снежное утро 1984 года, в индустриальном сибирском городке. Когда я появился на свет, ни у кого не было никаких сомнений по поводу моей биологической вариативности. Да и откуда они могли взяться? Человек с вариативностью Клайнфельтера (47 ХХУ) при рождении выглядит как «типичный» мальчик.

Волнующие открытия приходят позднее, во время пубертата. Долгое время я рос как все: любил играть с другими ребятами, любил ласку и сладкое. Но я помню: уже в детстве меня охватывали странные желания, природу которых ни я, ни окружающие не могли понять и списывали это на чудачества. Помню, мне нравилось переодеваться в девочку, создавать наряды, придумывать сказочные страны, раздавать всем своим друзьям роли и воплощать задуманное. Сейчас я бы это назвал ролевой игрой с элементами трансвестизма, а тогда это было что-то окрыляющее меня.

В пять лет я впервые «влюбился» в одну девочку с нашего двора, а в шесть лет впервые испытал странные, волнующие моменты, когда смотрел на волосатый торс мужчины в старом советском фильме «Цирк».

Время шло, мои друзья становились старше, менялись их тела и привычки, только со мной что-то происходило не так. Я вытянулся, но выглядел «женственным мальчиком»: тело словно застыло, у меня не набирался вес, не появлялись мускулы, и моё поведение не было агрессивным. А я и не старался быть лидером — куда мне было угнаться за энергичными маскулинными сверстниками! Я больше предпочитал общаться с девочками, любил строить замки из песка и кубиков, играть в театр. Я стал осознавать свою непохожесть, и это тяготило меня, так как другие мальчики перестали со мной играть и принимать в свои компании, начали шпынять меня.

“ Все, кто дружили со мной тогда, отвернулись от меня. Это был первый раз в моей жизни, (но не последний) когда в один миг я стал изгоем. Это был первый раз, когда я услышал слово «педик». Моя жизнь стала невыносимой. ”

В 12 лет у меня появилось желание быть девочкой, желание получать внимание, особенно от одного мальчика, который мне так нравился. Это желание стоило мне многого... Я точно не помню, как именно это произошло, память стёрлась, остались только некоторые осколки, в которых смешиваются горькая сладость, стыд и ненависть к самому себе. Как-то мальчики чуть постарше пригласили меня поиграть в одну запретную игру в подвале нашего дома.

Я согласился, ведь не часто было так, чтобы меня куда-то приглашали. Игра закончилась... сексом.

Почему я тогда не остановился, не убежал? Я не помню. Сначала эта игра была мне в какой-то степени приятна, несмотря на стыд и ощущение чего-то грязного, ведь на меня обращал внимание в том числе и тот мальчик. Но потом эта игра продолжилась с вовлечением других мальчиков, и с угрозой, что если я остановлю это, то мои «друзья» расскажут о наших «запретных» играх взрослым.

“ Ваш мальчик странный, у него ненормальное тело, ему нужен осмотр специалиста ”

Игра становилась жёстче и агрессивнее. В какой-то момент я стал сопротивляться и отказался от участия, и они рассказали обо мне и моих странных желаниях во дворе и в школе. Все, кто дружили со мной тогда, отвернулись от меня. Это был первый раз в моей жизни (но не последний) когда в один миг я стал изгоем. Это был первый раз, когда я услышал слово «педик». Моя жизнь стала невыносимой. Школа превратилась в ад. Я боялся выходить на улицу, я боялся ходить в школу или выходить из класса на перемене. Взрослые сначала тоже не понимали, что происходит, а потом перестали обращать внимание на издёвки и физическое насилие в отношении меня. Меня накрыло какое-то общее презрение. Меня стали посещать мысли о самоубийстве. Я мог забыть на время только в чтении. Однажды мне на глаза попала книжка «Евангелие для детей».

В ней я нашёл слова безусловной любви, понимания и принятия. Именно эти слова согрели мою душу и спасли меня от шага в ничто.

Время шло, первая волна ненависти поутихла, дети стали старше, но я так и остался парией. А тут ещё тело стало меня предавать, оно отказывалось меняться, оно подчёркивало мою инаковость: узкие плечи, широкие бёдра, отсутствие волосяного покрова и странно увеличенные грудные железы, словно у девочки (гинекомастия); слишком высокий голос, нежная белая кожа. К этому времени я запретил себе думать о каких-либо желаниях, я возненавидел свою женственность и мягкость, своё тело, себя. Любое упоминание о феминных чертах в моём внешнем виде и поведении приносило мне боль и негодование.

Но другие всё чаще стали меня путать с девушкой. Это могло произойти где угодно: в очереди за хлебом, в кино. А когда люди понимали, что я идентифицирую себя как мальчик, то я снова становился объектом насилия. Я пытался ходить в качалку, но тело словно заморозилось, я выглядел как девятилетний мальчик в мои 15-16 лет. Меня это страшно бесило. Только спустя годы я узнал, что при моей биологической вариативности Клайнфельтера с наличием дополнительной хромосомы X тело развивается по «женскому типу». Организм не производит достаточного уровня мужского гормона тестостерона. Отсюда пониженный метаболизм, отсутствие развития вторичных половых признаков, мягкость характера и плавность движений.

Сейчас я воспринимаю мою «заторможенность» развития тела как особую привилегию, потому что я старею медленнее, чем большинство моих сверстников, и если в какой-то момент я остановлю свою гормональную терапию, то буду меняться как в замедленной киносъёмке.

Такая «замедленность» характерна для многих интерсекс-людей с самыми различными интерсекс-вариациями.

Другой привилегией, моим отличием от не интерсекс-людей стало моё понимание того, что я имею врождённые основания быть разным, я могу выбрать: быть мужчиной, быть женщиной или быть небинарным человеком вне категорий гендерной идентичности или пола. Постгендер. Возможность выбора — это крылья, которые дают тебе непередаваемое ощущение полёта в пространстве невесомости. Это непросто и иногда очень страшно, но если кто-то когда-либо летал на воздушном шаре, то она/он/они смогут это понять и оценить. Понимание этой привилегии пришло не сразу. Я очень рад, что мои новые друзья — американские интерсекс-квир-люди — разделяют это мнение.

Третий важный момент, который я принял в себе с течением времени — это другой эталон красоты, берущий своё начало из древнегреческой легенды о Гермафродите, создании богини любви Афродиты и крылатого вестника богов Гермеса. Это возможность полюбить себя в своей непохожести как в естественном проявлении разнообразия природы. Но тогда я воспринимал это непонятное состояние промежуточности как проклятие, как какой-то страшный изъян, клеймо, которое мешает мне утвердиться в выбранной мной мужской гендерной идентичности и жестко напоминает мне о недавнем прошлом.

В 16 лет мальчиков стали собирать на военные сборы и отправлять на различные медицинские комиссии. На одной из таких комиссий один врач обратил внимание на моё тело, сказав, что мне нужен дополнительный осмотр, потому что моё тело какое-то не типично мужское. Когда ты слышишь такое

заявление от «знающего» человека, ощущение своей испорченности только усиливается.

Далее моя семейная докторка, которая знала меня ещё с яслей, однажды попросила выйти меня из кабинета и стала разговаривать с моей матерью в полголоса, но я услышал такие слова: «Ваш мальчик странный, у него ненормальное тело, ему нужен осмотр специалиста». Тогда мне казалось, что она знает о моей тайне, о том постыдном происшествии, о том, что моё тело как-то выдаёт меня. Мне было страшно.

“ Возможность выбора — это крылья, которые дают тебе непередаваемое ощущение полёта в пространстве невесомости. Это непросто и иногда очень страшно, но если кто-то когда-либо летал на воздушном шаре, то она/он/они смогут это понять и оценить ”

Меня отправили на осмотр к детскому эндокринологу, которая в свою очередь порекомендовала мне посетить специальный перинатальный центр и встретиться с эндокринологом-генетиком, так как у меня было подозрение на аномалию хромосомного развития. Я тогда не понял, что это значит, но, если надо, значит, надо.

В центре меня встретила добрая женщина-врач, которая успокоила меня, и сказала, что ничего страшного не происходит,

что мне нужно пройти специальное тестирование — кариотипирование — и узнать количество и структуру моих хромосом — мельчайших частиц каждой клеточки моего тела. Такое объяснение меня очень заинтриговало. В 2001 году мне сделали кариотип и поставили следующий диагноз: «Синдром Клайнфельтера 47 ХХУ, мужской псевдогермафродитизм», код Q 98.0 МКБ.

Так я впервые столкнулся с другой формой отчуждения в обществе, более выверенной и точной, но не менее безжалостной, чем забавы подростков во дворе: медикализацией и паталогизацией, превращением тебя в объект наблюдения и медицинских экспериментов. Когда тебе дают мнимую надежду, что теперь все твои проблемы решены, что, если ты будешь следовать рекомендациям врачей, которые действительно знают, что лучше тебе подходит, то это избавит тебя от вопросов о том, кто ты есть и как тебе жить дальше с осознанием того, что ты интерсекс.

Взамен просят только о полном молчании и говорят о бесполезности поиска других интерсекс-людей. Зачем? Они ведь не скажут ничего такого, чего не знает Врач. Вот и получается, что декорации и действующие лица меняются, но суть — замалчивание, стыд, стигма, боль и страх — остаётся. Мне понадобилось более десяти лет, чтобы осознать это и стать свободным и открытым от страха и стыда интерсекс ЧЕЛОВЕКОМ...

КТО Я ЕСТЬ

НИК / НИКА

Меня зовут Ник или Ника. Впрочем, есть у меня и другие имена. Иногда я называю себя Фелицитатой или Феликсом. Мне привычно и комфортно называть себя в мужском роде.

Моя гендерная идентичность никак не вписывается в «традиционную» бинарную гендерную систему, но понял я это достаточно поздно, лишь в 21 год. Тогда со мной произошло мощное, пожалуй, самое главное экзистенциальное потрясение в жизни, которое я склонен рассматривать как своего рода инициацию и шаманскую болезнь, вход в новую жизнь.

До этого времени я ассоциировал себя, скорее, с маскулинным существом и всё время наталкивался на противоречия между моей внешностью и «внутренностью», пытался соответствовать мужской модели поведения, что в силу моей специфической наружности и тяжёлого бэкграунда было непросто. Всё дело в том, что я родился в женском теле, но оно — нетипичное. Я с ранних лет сильно отставал в физическом развитии от сверстниц и сверстников, не был похож ни на кого из них. Номинально я был вроде как девочкой, но внутренне никогда себя ею не ощущал и не понимал, в чём дело.

Воспитывали меня, как и большинство детей, в обычных гетеронормативных рамках. Не было никаких внешних предпосылок, повлиявших бы на то, что я вдруг захотел бы стать мальчиком. При этом я никогда не хотел им быть на самом деле, мне казалось, что должен существовать какой-то третий, нейтральный вариант для таких, как я.

В 16 лет я очень захотел сделать операцию и начать гормонотерапию, но мне не с кем было посоветоваться. Через Интернет я нашёл FtM трансгендера, который рассказал мне, как всё это непросто сделать в постсоветских странах и с какими дискриминационными мероприятиями придётся столкнуться.

“ Всё дело в том, что я родился в женском теле, но оно — нетипичное. Я с ранних лет сильно отставал в физическом развитии от сверстниц и сверстников, не был похож ни на кого из них ”

Я с детства был (и остаюсь) весьма аутичным человеком ввиду дискриминации из-за моего низкого роста, которой я подвергался всю свою сознательную жизнь — особенно в школе. Причина такого роста стала известна лишь пару лет назад, когда я, столкнувшись с полным безразличием ко мне со стороны врачей, уверявших меня, что всё нормально, начал читать в интернете про болезни, сопровождающиеся низкорослостью, и заподозрил у себя синдром Шерешевского-Тернера. Пошёл самостоятельно, без всяких назначений в институт репродуктивной медицины и сдал тест на кариотип.

Подозрение подтвердилось: у меня обнаружилась мозаичная форма синдрома Тернера, то есть частичное отсутствие одной X-хромосомы. За счёт того, что она всё же в какой-то степени — как кот Шредингера — у меня присутствует, то внешне, кроме странного роста и ювенильных черт лица я ничем не отличаюсь от «здоровых» людей. Если бы у меня были нетипичные половые органы, я бы мог надеяться на операцию по их удалению и последующую гормональную терапию как интерсекс-человек. Но, поскольку у меня всё относительно хорошо, то операции мне просто так не сделают. Нужно проходить комиссию, чтобы доказать, что у меня гендерная дисфория, и что мне мешают некоторые ненужные мне органы.

“ Через Интернет я нашёл FtM трансгендера, который рассказал мне, как всё это непросто сделать в пост-советских странах и с какими дискриминационными мероприятиями придётся столкнуться ”

Но для общения с комиссией и прочими государственными учреждениями, как говорит моя подруга Руфь, нужны сверхспособности — мы ими не обладаем. Возможно, в будущем, ещё при нашей жизни, условия прохождения комиссии станут более цивилизованными, и тогда я решусь на это. Как ни странно, кроме этого дурацкого пресловутого роста, который мне уже не увеличить с помощью гормональной терапии (зоны роста уже закрыты) я почти целиком доволен своим телом.

Конечно, огромный дискомфорт мне доставляют ненужные мне органы, но не сами по себе они, а те процессы, которые происходят с ними помимо моей воли. В будущем я собираюсь исправить это гормонами. Да, у меня выражено детские черты лица, но и с этим я понемногу свыкаюсь. Я даже нашёл пример для подражания — актёра Джона Фрэнклина, сыгравшего главную роль в «Детях кукурузы». У него гипофизарный нанизм, и рост почти такой же, как у меня.

Возможно, в будущем я решусь на гормонотерапию, но пока я редко выхожу из дома, а когда я никого не вижу, меня мало волнует моя внешность. Когда мне не приходится общаться с людьми, у меня нет особой гендерной идентичности. Так как выгляжу я специфически, и меня, особенно раньше, часто принимали за ребёнка, каждый поход в магазин для меня был стрессом. Сейчас я на всё забил, сделал тату и стал увереннее в себе. Но всё равно — не представляю и не хочу представлять, каково агендерным и трансгендерным людям с похожими проблемами устраиваться на работу и вообще активно функционировать в этом насковозь лицемерном дискриминирующем обществе.

Я думаю, что я занимаюсь интерсекс- и транс* активизмом, но по-своему — порой для этого мне не нужно выходить из квартиры. Хорошо, что благодаря друзьям из нашего ЛГБТИКА+ комьюнити я понял, что есть те, кто меня поймёт и поддержит; и сейчас, конечно, мне есть с кем встретиться. Я не знаю, есть ли ещё где-нибудь интерсексы с синдромом Шерешевского-Тернера, которые чувствуют себя агендерами — пока не встречал. Будет здорово, если мы с ними познакомимся, но пока у меня ощущение, что я со своей вариацией и гендерной идентичностью — один в поле воин. Но, знаете, на фоне пожизненного аутсайдерства это совершенно привычно и не так уж страшно. Главное — осмелиться самому себе признаться, кто ты есть.

ВЫЗОВ СУДЬБЫ

ОЛЬГА

Меня зовут Ольга, мне 33 года, я родом из города Тольятти в Самарской области, и у меня синдром Свайера (мужской кариотип 46XY при женском фенотипе). Мой паспортный пол женский, так же, как и психологический.

До 22 лет ни один из врачей, к которым я обращалась, не мог поставить мне диагноз и сказать, что со мной не так. Впервые я обратилась к врачу в 14 лет по вопросу задержки полового развития. Мне провели все обследования и сказали, что нужно ещё подождать и принимать витамины.

Через два года я повторно обратилась к этому же врачу-гинекологу, поскольку менструация так и не началась. Мне назначили курс гормональных препаратов, и, о чудо, цикл установился! Но, как только я прекратила принимать гормоны, всё вернулось на круги своя. Я не знала, что делать, я была в смятении, меня обуревала куча эмоций! Жить, не зная, что с тобой происходит, да ещё и в подростковом возрасте — такого и врагу не пожелаешь...

Я решила опустить этот вопрос и в следующий раз, в 18 лет, обратилась уже к другому врачу. Мне снова назначили гормоны, поставив диагноз «первичная аменорея» (то есть полное отсутствие самостоятельных месячных). Через полгода такого лечения я снова бросила пить гормоны, поскольку не была уверена, что это правильно.

“ Я чувствовала себя инопланетянкой, я не понимала, почему это происходит именно со мной, к кому обратиться, чтобы мне объяснили причину такого состояния организма ”

Меня накрыла депрессия. Я чувствовала себя инопланетянкой, я не понимала, почему это происходит именно со мной, к кому обратиться, чтобы мне объяснили причину такого состояния организма. К этому времени я уже училась в институте на заочном и устроилась на работу в крупный банк. Я с головой ушла в работу и учёбу, но мысли о том, как мне выяснить, что со мной, не покидали меня ни на минуту. Я закопала себя в мыслях, что такая я не нужна ни одному мужчине, что скорее всего у меня никогда не будет детей и что я никогда не выйду замуж.

Я рыдала по ночам в подушку и устраивала маме истерики, говорила, что не хочу жить. Мама всегда находила нужные слова и убеждала меня, что всё наладится, что, возможно, у меня просто позднее развитие организма. Я была морально раздавлена.

В 22 года я, наконец, решила снова обратиться к врачу, на этот раз по рекомендации подруги. Он осмотрел меня и позвал заведующую отделением. Она сказала, что, похоже, у меня что-то серьёзное, и порекомендовала обратиться к профессору Линёвой О. И. в Самаре. Я поехала в Самару, и Ольга Игоревна направила меня к генетикам в больницу им. Калинина. Там я сдала кровь на определение кариотипа (а что это такое, я тогда даже не подозревала) и месяц ждала результатов анализа.

Через месяц я приехала за результатом. Генетик стала объяснять мне, что я должна была родиться мальчиком, но из-за сбоя в развитии эмбриона примерно на восьмой-девятой неделе беременности формирование моего организма пошло по женскому типу.

“ Через месяц я приехала за результатом. Генетик стала объяснять мне, что я должна была родиться мальчиком, но из-за сбоя в развитии эмбриона примерно на восьмой-девятой неделе беременности формирование моего организма пошло по женскому типу ”

Сказать, что я была в шоке — это ничего не сказать! Ком стоял в горле! В конце разговора мне сообщили, что необходимо срочно сделать операцию и удалить гонады, скорее всего мужские, из-за высокой вероятности перерождения их в раковые клетки, а также начать принимать гормональные препараты.

Мне пояснили, что до операции пить гормоны категорически нельзя. Несмотря на первоначальный шок, я была рада, что мне наконец-то поставлен диагноз, а, значит, теперь-то уж точно мне назначат и подходящее лечение.

Как же я ошибалась!

Я вернулась в Тольятти, взяла направление в женской консультации и пошла на операцию, которую проводил заслуженный врач РФ, заведующий отделением одной из крупнейших больниц города. Отходя от наркоза, я услышала фразу из разговоров врачей: «Не повезло девчонке, такая молодая, симпатичная, и детей никогда своих не будет...»

Пока меня везли из операционной, я ревела навзрыд. В палате меня ждала мама, она поддерживала меня как могла, за что я ей очень благодарна. При выписке я зашла к этому врачу, и он пояснил, что при моём диагнозе ЭКО делать бесполезно, гормоны пить он не рекомендует, потому как я без них неплохо себя чувствую, и вообще, живи себе спокойно и радуйся, что легко отделалась.

Я выписалась из больницы в смешанных чувствах. Это был июнь 2007 года. А весной 2009 года мне позвонила моя тётя, и сообщила, что мою двоюродную сестру, с которой я к тому времени не общалась около трёх лет, лишили родительских прав на сына, и пятилетний ребёнок находится в приюте. Тётя попросила навестить его. Придя в приют, я увидела плохо говорящего малыша, который невнятно спросил: «Ты заберёшь меня домой?»

Мне предложили забрать Никиту под опеку, и я согласилась. Так в 25 лет я стала приёмной мамой.

О том, что у ребёнка проблемы в развитии, проблемы со здоровьем, поведением и многим другим, я узнала позднее. Мы ходили по врачам, ездили на море, Никита посещал коррекционный детский сад и начальную школу, где занимался с логопедом и психологом. Сейчас ему 13 лет, и он обычный подросток в переходном возрасте. Я рада, что у меня есть сын.

Через год после того, как я стала опекуной, на одном из форумов в интернете я нашла девушек с таким же диагнозом как у меня. Мы впервые обменялись адресами электронных почт, и, когда я получила первое письмо, моё сердце колотилось с бешеной скоростью. «Я не одна!» — эта фраза не выходила из моей головы. От них я узнала о статье в интернете на медицинском сервере, в которой говорилось, что более десяти лет назад в Санкт-Петербурге, в институте им. Отто, благодаря ЭКО с донорскими яйцеклетками, пациентка с синдромом Свайера забеременела, выносила и родила здоровую доношенную двойню!

Эта информация перевернула моё сознание с ног на голову. «Я могу родить! Я полноценная женщина!» — эти мысли давали мне силы идти дальше. Мы объединились в сообщество в интернете и стали по крупицам собирать всю нужную информацию в одном месте.

Я узнала, что мне нужно провести повторную операцию по удалению гонад или замещающих их тканей и начать принимать гормоны для формирования менструального цикла и предотвращения развития остеопороза — разрушения костных тканей из-за недостатка кальция, который плохо усваивается без гормона эстрогена.

В июне 2011 года мне провели операцию повторно, но уже в Са-

маре, и я начала заместительную гормональную терапию. Я стала намного лучше себя чувствовать, моё тело стало более женственным, появилась уверенность в том, что я смогу построить серьёзные отношения и создать семью.

“ Все вместе, благодаря командному духу и поддержке друг друга мы смогли преодолеть этот вызов судьбы! ”

К тому времени многие участницы нашего сообщества уже стали мамами детей, родившихся в результате ЭКО с донорскими ооцитами. Некоторые из них родили двойни, некоторые — по двое детей в разные беременности. Какие-то из девушек вышли замуж, а какие-то закончили учёбу и начали работать. Все вместе, благодаря командному духу и поддержке друг друга мы смогли преодолеть этот вызов судьбы!

К нам постоянно присоединяются новые люди, которые только недавно узнали о диагнозе или о нашей группе с различных форумов и сайтов, посвящённых проблемам бесплодия либо лечению дисгенезии гонад. Каждая из них описывает своё состояние после вступления в группу как взрыв эмоций и переосмысление своего мышления, поскольку она находит поддержку людей, находящихся в такой же ситуации.

Видя в сообществе фото счастливых людей, их семей и детей, читая счастливые истории и переписки, они находят ответы на свои вопросы из первых уст, а также волей-неволей начинают верить в себя и в свои силы, смотреть на жизнь с оптимизмом. Они говорят, что они открыли для себя новый мир, и это новое мироощущение меняет их жизни к лучшему.

Именно эти эмоции являются щедрой наградой для меня, ведь нет ничего лучше ситуации, когда человек, находящийся в глубокой депрессии от общественного непонимания и неприятия себя, вдруг становится счастливее и делится этим с другими!

Опуская подробности личной жизни, скажу главное: совсем скоро состоится моя свадьба! Своего будущего мужа я случайно встретила в интернете. Мы жили на расстоянии 3000 километров друг от друга, он родился и живёт на Крайнем Севере. Я рассказала ему всё о своём здоровье после того, как он предложил серьёзные отношения, и он отнёсся к этому с пониманием, поддержал меня. В дальнейшем мы планируем пойти на процедуру ЭКО и надеемся родить здоровых детей.

Я считаю, что моя жизнь, как и жизнь любого человека, — это череда различных событий. Какие-то грустные, какие-то радостные, поэтому нужно ценить то, что мы имеем, и радоваться каждому прожитому дню! Главное — позитивно мыслить и верить, что безвыходных ситуаций не бывает. И моя жизнь — наглядное тому подтверждение!

НАД ИЗДАНИЕМ РАБОТАЛИ

Координаторы - Александр Березкин, Аня Анисимова

Редактор - Нико Черченко

Корректурa текстов - Чингиз Полетаев

Иллюстрации- Adelinaa

Дизайнер - koivo

При поддержке: ЛГБТ-инициативная группа "Выход"

www.queerfest.ru

WWW.QUEERFEST.RU

18+